

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Костромской государственный университет

**НАСЛЕДИЕ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ
(В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЕВРОПЕЙСКОЙ)**

Монография

Кострома
КГУ
2021

УДК 81'37
ББК 81.053.6
Н314

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Костромского государственного университета*

Рецензенты:

Е. И. Зиновьева, доктор филологических наук, профессор кафедры
русского языка как иностранного и методики его преподавания
Санкт-Петербургского государственного университета;

Л. И. Степанова, почетный профессор
Университета имени Палацкогго (Оломоуц, Чехия)

Наследие Петровской эпохи в современной русской паре-
Н314 миологии (в сопоставлении с европейской) : монография /
науч. ред. С. И. Николаев, В. М. Мокиенко ; отв. ред. А. Е. Яки-
мов. – Кострома : Костромской государственной университет,
2021. – 204 с.

ISBN 978-5-8285-1173-0

Монография посвящена знаковому для России событию: 350-летию рождения Петра Первого. Наследие Петровской эпохи в современной русской паремиологии – один из значимых следов обогащения русского языка, его динамизации и обновления. Оно – не просто факт определенного этапа истории современного русского литературного языка, но и активная, постоянно востребованная и живая его часть. В монографии этот богатый материал подвергается разноаспектному анализу. В 1-й главе раскрывается текстуальное и интертекстуальное многообразие паремий в прозаических и поэтических текстах; определяется соотношение традиционного и новаторского в художественном воплощении паремиологических единиц, специфика их функционирования в современном медиадискурсе. Во 2-й главе исследуются структурно-семантический, дискурсивный и лингвокультурологический аспекты изучения паремий петровского времени. 3-я глава посвящена паремиологической диахронии – таким проблемам, как оппозиция «Свое – Чужое», культурные коды паремий, динамика текстовых смыслов и способы лексикографирования паремий.

Монография адресована филологам, историкам, культурологам, этнографам, студентам и преподавателям вузов, учителям школ, а также всем, кому интересны язык и культура Петровской эпохи.

УДК 81'37
ББК 81.053.6

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-012-42008 «Пословицы и поговорки Петровского времени
как культурный феномен языковых реформ (ретроспектива и перспектива)»*

16 +

ISBN 978-5-8285-1173-0

© Костромской государственной университет, 2021

ССРППЗ: Симони П. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столѣтій / собрали и подготовили к печати Павелъ Симони. Выпускъ первый с приложениемъ XIII-ти таблицъ снимковъ с рукописей. Издание Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. – Санкт-Петербургъ: Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1899. – 344 с.

ТПП: Калонтаров Я. И. Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими. – Душанбе: Ирфон, 1965. – 534 с.

ТСП: Лепешаў І. Я., Якалцэвіч М. А. Тлумачальны слоўнік прыказак. – Гродна: ГрДУ, 2011. – 695 с.

КРР: Adalberg Samuel. Księga przysłów, przypowieści i wyrażeń przysłowiowych polskich. Zebrał i oprac. Samuel Adalberg. – Warszawa: Druk Emila Skińskiego, 1894. – 865 s.

DSWL: Wander Karl Friedrich Wilhelm. Deutsches Sprichwörter-Lexikon. – Leipzig, F. A. Brockhaus, 1867–1880. – Bd. 1–5.

Источники

¹ Latviešu folkloras krātuve. URL: <http://garamantas.lv> (дата обращения: 11.04.2021).

² Patarles. Dainu Tekstai. – URL: <http://patarles.dainutekstai.lt> (дата обращения: 11.04.2021).

УДК 81'373.7

Николаева Е. К.

Российский государственный гидрометеорологический университет
elena_kairovna@mail.ru

«СВОЕ И ПОЛЬСКОЕ» В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ*

Аннотация. *Статья посвящена проблеме польских заимствований в русском языке Петровской эпохи, в частности пословиц и фразеологизмов. Они проникали в русский язык как путем устной передачи и затем фиксировались в произведениях культурных деятелей того времени и в сборниках пословиц, так и через переводные художественные произведения с польского языка, ведь польская литература в то время продолжала быть литературой-посредницей между Россией и Западом.*

Ключевые слова: *пословица, фразеологизм, заимствование, польский язык, перевод, эпоха Петра I.*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-42008 «Пословицы и поговорки Петровского времени как культурный феномен языковых реформ (ретроспектива и перспектива)».

© Николаева Е. К., 2021

“NATIVE AND POLISH” IN SAYINGS AND PROVERBS OF THE PETRINE EPOCH

Abstract. The paper addresses the problem of Russian borrowings from Polish in the Petrine epoch, specifically, proverbs and phraseological units which came into the Russian language both via oral transmission (and subsequent recording in the works of contemporary writers) and via translated works of fiction, since at that time Polish literature continued serving as a bridge between Russia and the West.

Keywords: proverb, phraseological unit, borrowing, Polish language, translation, the epoch of Peter the 1st.

Тема «Свое и чужое» всегда привлекала и продолжает привлекать внимание исследователей пословиц и фразеологизмов. Если говорить о влиянии иностранных языков на русскую паремиологию Петровского времени, то здесь одно из первых мест по праву принадлежит польскому языку. Культурные, языковые и политические связи Польши и России были особенно тесны именно в конце XVII – начале XVIII века, когда ломка и перестройка русской государственности, производства, культуры, быта, предпринятая Петром I, открыла путь в русский язык мощному потоку заимствований. Язык произведений деятелей культуры, переехавших в Петербург и Москву в первой трети XVIII века (Димитрия Ростовского, Феофана Прокоповича, Стефана Яворского и др.), представляет собой, по наблюдениям исследователей, различные градации от церковнославянского языка до западнорусской «простой мовы», смыкающейся с белорусским, украинским и польским языками. В то время этот язык был не только приемлем для современников, но и в известной степени авторитетен как язык проповедников, переводчиков, учителей. Уроженец Галиции, митрополит Стефан Яворский в своей проповеди абсолютно спокойно употребляет в русском тексте польские и украинские пословицы: *Бывают многие такие, которые себе родятся; иной уродится дармоед, напрасно хлеб портит, напрасно место упражняет, пользы з него отнюдь никакой, ни Богу свечка, ни людям щипка, а хотя у такого сундуки денег будут полны, что ж, коли з самого что з козла, ни млека, ни волны; Потребнейше деньги его нижели он сам; ни его на войну, ни его в посельство, ни его в приказ, куди кинь, туди клин, бо родив ся Клим* (из проповеди Стефана Яворского 1709 г.). Так же поступает и его друг митрополит Димитрий Ростовский, вставляя в русско-украинский кириллический текст польский фразеологизм: *Однак же я, грешний, все то zgmatał jak groch z kapusta, хотячи мети книжку тую* (из письма Димитрия Ростовского Стефану Яворскому 1707 г.).

Часто писатели осознавали происхождение подобных выражений, однако близость языков и широкое знание польского языка среди

образованных людей того времени позволяли им иногда, не затрудняя себя переводом, просто транслитерировать польские пословицы: *Сиесть тщательством монарха нашего испразднися оная древняя пословица сарматская: «не разом Краков будовано»* (Феофан Прокопович, 1715 г.; ср.: *Nie od razu Kraków zbudowano* [NKPP, t. 2, s. 189–190]); *Ляхи разпутныи хвалят свое безрядие и за притчу говорят: безрядием польское кралевство стоит* (Ю. Крижанич, 1650–60-е гг.; ср.: *Nierządem Polska stoi* [NKPP, t. 2, s. 1005]); *Правду говорят люди, Что по пословице буди: «Чорт ли в титуле, Коли пусто в шкатуле»* (Интермедия первой половины XVIII в.; ср.: *Co po tytule, kiedy pusto w szkatule* [NKPP, t. 3, s. 557]).

Не без влияния польского языка в произведении Феофана Прокоповича в «Разговоре гражданина с селянином да певцем или дьячком церковным» встречается выражение *только зубы помазал латиною*, оно же встречается в сатире А. Д. Кантемира (1730): *зубы чуть помазал в латину* (Сат. 4, ст. 145). В словарях русского языка это выражение не фиксируется, а вот в польском языке оборот *gębę sobie pomazał łaciną* зафиксирован с 1632 г. [NKPP, t. 2, s. 325] и широко употреблялся в XVII–XVIII вв. в значении ‘невежа, человек, получивший поверхностное образование’, что как раз и соответствует значению, в котором он был употреблен русскими авторами. И хотя этот фразеологизм не закрепился в русском языке (как некоторые другие устойчивые обороты того времени, например: *вызвать на поединок* [6, с. 142–148], *выкидывать/выкинуть фортель*, *вешать нос на козину* [8, с. 240–246]) он наглядно демонстрирует, насколько свободно, непосредственно русские культурные деятели того времени использовали в своих произведениях элементы польского и украинского языков. Показательно, что правила правки текстов справщиками русских типографий не распространялись на украинско-польские черты в языке пишущих [2, с. 49].

Даже и обычными носителями языка (не писателями и культурными деятелями) того времени польский язык ощущался как «вполне понятный», что хорошо иллюстрирует одна небольшая рукопись, описанная нами в статье «Польские пословицы в русской записи середины XVIII века», в которой неизвестный по имени русский полковник в 1745 г. переписывал польские пословицы из немецкого учебника польского языка. Первоначально пословицы копировались им из немецкого учебника польского языка по-польски, постепенно он заменяет латинский алфавит кириллицей, понемногу, возможно неосознанно, русифицируя польские слова [11, с. 489–498].

Кстати, кириллическая транслитерация польских текстов была не редкость в России XVII века. Подобные тексты предназначались для тех, кто понимал польскую речь, но с трудом читал латиницу. В одной

рукописи XVII в. сохранилась даже кириллическая транслитерация знаменитых «Апофегмат» польского писателя Беняша Будного, написанных в конце XVI века (1599 г.). «Апофегматы» – сборники светской повествовательной литературы, содержащие апофегмы – остроумные изречения, анекдоты, занимательные и нравоучительные рассказы о знаменитых людях античности и средневековья [13, с. 94]. В России (как и в Белоруссии, и на Украине) «Апофегматы» распространялись и на языке оригинала (польском), и в переводах. Самым востребованным оказался третий перевод 1711 года, который по повелению Петра I был набран только что введенным гражданским шрифтом, став первым печатным (а не рукописным) переводом, и был 10 раз переиздан в течение XVIII в. Все это доказывает, что сборник был хорошо знаком русскому читателю XVIII века. Приводя случаи из жизни знаменитых людей Древней Греции и Рима, автор сообщал их наиболее знаменитые изречения, а также густо насыщал свои комментарии к рассказам польскими народными пословицами. И эти античные крылатые выражения в переводе Беняша Будного на польский язык, а затем с польского на русский, как и использованные им польские пословицы, начиная с конца XVII века бытовали в среде русской читающей публики. Как пишет Л. И. Сазонова, судя по записям и заметкам на сохранившихся экземплярах произведения (рукописных и печатных), читателями «Апофегмат» были дворяне, духовенство, купцы и даже крестьяне [13, с. 97]. Избранные апофегмы попали в письменник Н. Г. Курганова (1769), представлявший собой комплексное учебное пособие, литературную хрестоматию и своеобразную энциклопедию популярных знаний и потому ставший настольной книгой многих поколений русских. Ряд выражений из этого польского произведения вошёл в сборники русских пословиц XVIII в. Так, в сборнике пословиц Андрея Богданова (1741), например, зафиксирована пословица *Умерла та курица, коя несла золотые яйца* (Богд.: 113) (ср. в переводе «Апофегмат»: *Умерла уже курица, яже золотые яйца Даривы несла* – ответ Александра Македонского послам царя Пора, требующим уплаты дани). По подсчетам польской исследовательницы Э. Малэк, например, в «Собрание 4291 древних российских пословиц» (сборник Барсова) включено 65 пословиц из «Апофегмат». По выражению академика В. Н. Перетца, литература польских пословиц была одной из главнейших ступеней, по которым «подвигалась и передавалась нам пословица» (речь идет об античных и византийских пословицах) [12, с. 16]. Благодаря переводам «Апофегмат» многие выражения латинских авторов, уже получившие статус «крылатых» в западно-европейской культуре, вошли и в русские сборники пословиц и словари в форме, предложенной переводчиками «Апофегмат»: *В войну молчит суд* [БСРП 2010: 137];

Дворянская служба – красная нужда [БСРП 2010: 829]; *Дар принял тот, кто достойному дал* [БСРП 2010: 233]. Выступая два года назад на фразеологической конференции, посвященной заимствованиям и калькам в славянских языках, я обнаружила в современном (2009 г.) сборнике «Народная мудрость» М.И. Соколовой [14] 19 пословиц, зафиксированных в форме, в которой они представлены в переводе «Апофегмат» Петровского времени (см. подробнее: [10, с. 52–58]). Таким образом, польский язык способствовал вхождению в русский паремиологический фонд и античных крылатых выражений. В выпущенных 20 томах Словаря русского языка XVIII в. «Апофегматы» (польское произведение в русском переводе!) приводятся в качестве иллюстративного материала русской лексики 663 раза, что свидетельствует о значении этого источника для исследования русского языка Петровского времени.

В паремиологические сборники того времени включались и некоторые польские по происхождению пословицы и поговорки – можно предположить, что они были «на слуху», т. е. встречались в речи. В сборниках русских пословиц даже имеется помета «из полских». В. П. Адрианова-Перетц в статье «К истории русской пословицы» предполагала, что составитель сб. Петровской галереи [Петр. галер. нач. XVIII в.] подразумевал украинские пословицы, но никаких доказательств этого предположения не привела: «Возможно, что они взяты составителем из устной традиции: в Москве в XVII в. было достаточно выходцев с Украины, и влияние их, такое заметное на истории великорусской песни, могло отразиться и на пословице» [1, с. 159]. Однако подобная помета использовалась еще в старинных Азбуковниках, и составители подразумевали под ней именно то, что писали: польские слова и выражения [5, с. 101–102]. Проверка пословиц из сб. Петровской галереи с пометами «из полских» по НКРР и по сборнику украинских пословиц Климентия Зиновиева дали весьма скромный результат: из 12 помеченных «из полских» пословиц нам удалось найти одну пословицу в польском и в украинском языке: *Где тонко, тут и рветца* [Петр. галер. нач. XVIII в.: 25]; *Gdzie cienko, tam się rwie* [НКРР III: 103; первая фиксация 1618 г.]; *Где коро(т)ко там и рве(т)са* [Кл. Зин.: 219]. Как видно, именно польская пословица полностью совпадает с русской. Еще одна пословица, восходящая к латыни, обнаружилась в польском языке (в сб. Климентия Зиновиева отсутствует): *Волосы велики, да ум короток* [Сб. Петр. гал.: 25]; *Długi włosy, krótki rozum* [НКРР III: 723; 1-я фиксация 1595 г.]. Происхождение составителя сборника, его национальность, круг чтения и общения неизвестны, а нечеткость помет (иногда невозможно определить, к какой именно единице они относятся), возможные отличия в компонентном составе затрудняют, конечно, поиск соответствий, хотя

было бы интересно установить язык-источник и достоверность этих помет. Скорее всего, они не всегда соответствуют действительности, но свидетельствуют о том, что носители языка XVIII вв. явно ощущали польское влияние в русской паремиологии.

Вообще, проблема межславянского языкового взаимодействия особенно в XVII–XVIII вв. исключительно трудна для исследования вследствие языковой близости славянских языков, т. е. «малой выразительности признаков заимствования», по выражению Л. А. Булаховского [3, с. 37]. В упомянутом сборнике пословиц помещено присловье *Rusak do czytania, kazak do spiewania (спеванья), поляк до сказания* [Петр. галер. нач. XVIII в., 34]. В этом присловьи предложные конструкции с предлогом «до» наводят на мысль о заимствованном характере этого выражения, и действительно, такой текст зафиксирован в польской паремиографии: *Rusek do czytania, Chochlak do śpiewania, Polak do opowiadania* [НКРР, т. 2, s. 1009]. Однако если в русском языке пословица записана в начале XVIII в., то польские источники отмечают первое употребление этого выражения в 1894 г. Значит, это все же русское выражение? Или межязыковые связи здесь более сложные, и следует предположить влияние еще одного славянского языка? Пока нам не удалось обнаружить этой пословицы в украинском языке, но, возможно, языком-донором все же выступил украинский язык.

В первом дошедшем до нас сборнике пословиц, опубликованном П. Симони, встречается пословица «Благословляй нас, владыко, в чужой лес Польска» [Симони, 79]. Что означает здесь слово «польска»? Скорее всего: «Благословляй нас, владыко, в чужой лес (польска[я] <пословица>)». Иначе не получается. Нам не удалось обнаружить этой (или похожей) пословицы в собрании польских пословиц [НКРР]. Вероятно, все же составитель или переписчик рукописи указал на происхождение пословицы, заметив в ней какие-то элементы польского языка (или зная похожий польский вариант), или, скорее всего, просто услышав ее от носителя польского языка, живущего в России. Трудно сказать со всей определенностью. Общеславянское языковое родство является одной из причин, усложняющих выявление славянских заимствований.

Отсутствие признаков заимствования, сходство лексем позволяет словам и фразеологизмам пересекать границы стран, не встречая никакого сопротивления со стороны другого славянского языка и «обживать» в нем. А иногда и возвращаться в новом качестве в язык-источник. Так произошло, например, с пословицей из сборника пословиц А.И. Богданова 1741 г.: *Я ващец, ты ващец, а кто ж хлеба напасец?* [ПТЗ, с. 118]. На первый взгляд, эта пословица воспринимается как чистый полонизм в русском языке, ср.: *Ja waszeć i ty waszeć, któż nam chleba napaszeć?* [НКРР, 2, s. 783].

На самом деле это шуточная трансформация, возникающая в Петровское время в русском языке на базе польской поговорки *Ja waszeć, ty waszeć, a któż nam posłuży* путем прибавления шуточного рифмованного окончания *кто ж хлеба напашець*, которая была заимствована белорусским языком, а позже (возможно, и через белорусское посредничество) вернулась в родной (польский) язык и нашла отражение в словаре С. Адальберга в конце XIX в. как вариант польской поговорки. И именно так воспринимается сегодня (см. подробнее: [9, с. 206–211]).

Представляется, что трудно переоценить значение польского языка (по сравнению с другими западными языками) для формирования словарного состава русского языка, в частности его паремиологического фонда в XVII – первой половине XVIII в. В это время польские поговорки и поговорки проникали в русский язык не только устным путем (они встречаются в русских памятниках того времени, например у Феофана Прокоповича, А. Д. Кантемира, В. К. Тредиаковского и др.), но и при переводе художественных произведений, ведь польская литература как раз на рубеже XVII–XVIII вв. была литературой-посредницей между Россией и Западом. В последней четверти XVIII в. влияние переводной книги на процесс заимствования заметно снижается вследствие возросшей культуры переводческой деятельности, а также более четких норм литературного словоупотребления и резких пуристических тенденций той поры, о чем пишут исследователи русского языка XVIII в. [2, с. 61], но в Петровское время этот процесс был весьма активен.

Литература

1. Адрианова-Перетц В. П. К истории русской поговорки // Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. – Л.: Наука, 1974. – С. 157–163.
2. Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. – Л.: Наука, 1972. – 429 с.
3. Булаховский Л. А. К истории взаимоотношений славянских литературных языков // Известия АН СССР: Отделение литературы и языка. – М., 1951. Т. 10, вып. 1. С. 37–49.
4. Зиновьев Климентий. Вірші. Приповісті посполиті. – Київ: Наукова думка, 1971. – 392 с.
5. Ковтун Л. С. Древние словари как источник русской исторической лексикологии. – Л.: Наука, 1977. – 110 с.
6. Кохман Ст. К истории европейских фразеологизмов в русском литературном языке (*вызвать на поединок / дуэль*) // Studia Slavica VI. Slavistika osudem i volbou. (K 75. narozeninam prof. Jiřího Damborského). – 2002. – S. 142–148.

7. Курганов Н.Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие. – СПб, 1769.

8. Мокиенко В.М. Давайте говорить правильно! Трудности современной фразеологии: Краткий словарь справочник. – СПб., 2003.

9. Николаева Е.К. О межславянском языковом взаимодействии (на материале пословиц) // Русская речь в современных парадигмах лингвистики: материалы Междунар. науч. конф. (Псков, 22–24 апреля 2010 года) / под ред. Н. В. Большаковой, Л. Я. Костючук, Т. Г. Никитиной, Л. М. Попковой. – Псков: ПГПУ, 2010. – Т. 2. – С. 206–211.

10. Николаева Е.К. Польские фразеологические кальки в русском языке (исторический аспект) // Славянская фразеология: заимствования и кальки в славянской фразеологии: коллективная монография / отв. ред. Х. Вальтер (Германия), В. М. Мокиенко (Россия). Greifswald: Universität Greifswald, 2020. – С. 52–58.

11. Николаева Е. К., Николаев С. И. Польские пословицы в русской записи середины XVIII века // Слово во времени и пространстве. – СПб., 2000. – С. 489–498.

12. Перетц В. Н. Из истории русской пословицы. Историко-литературные заметки и материалы. С приложением сборника польских пословиц по рукописи 1726 года. – СПб., 1898. – 39 с.

13. Сазонова Л. И. Апофегматы // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. – Вып. 3 (XVII век). – Ч. 1. – С. 94–98.

14. Соколова М. И. Народная мудрость. Русские пословицы и поговорки. – Новосибирск: Офсет, 2009. – 622 с.

15. Małek E. «Собрание 4291 древних российских пословиц» и «Апофегматы» Беняша Будного: (Из истории русской паремиологии). Warszawa: Nowy Świat, 2010. 60 s.

Словари и справочники

Богд.: Собрание пословиц А. И. Богданова // Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 65–118, 259–263.

БСРП: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.

Д [1-4]: Даль В. И. Толковый словарь живого русского языка. М.: Русский язык, 1978. Т. 1–4.

ППЗ: Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVII–XX веков / изд. подг. М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. М.; Ленинград: Наука, 1961.

Сб. Петр. галер. нач. XVIII в.: сборник пословиц б. Петровской галереи. [В:] Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVII–XX веков / изд. подг. М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. М.; Ленинград: Наука, 1961. С. 23–39, 249–253.

Симони: Симони Павел: Старинные сборники русских пословиц и поговорок и проч. XVII–XIX столетий. – СПб: Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. Наук, 1899. Вып. 1–2.

NKPP: Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich / pod red. J. Krzyżanowskiego. – Warszawa: Polski Instytut Wydawniczy, 1969–1978. – Т. 1–4.

УДК 81'42"1720"

Русанова С. В.

*Новосибирский государственный технический университет
rusanowa_7@mail.ru*

«МОРСКОЙ УСТАВ» 1720 Г.: О ДОЛЖНОСТНЫХ ОБЯЗАННОСТЯХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫМ ЯЗЫКОМ И МУДРЫМ СЛОВОМ

Аннотация. Статья посвящена исследованию языка «Морского устава» 1720 г. Выделяются некоторые жанрово-стилистические особенности законодательного документа, устанавливается связь многообразия языковых средств и приемов с аргументативностью и воздействием текста.

Ключевые слова: история русского языка, деловой язык Петровской эпохи, законодательный акт, Морской устав, жанрово-стилистические особенности.

S. V. Rusanova

Novosibirsk State Technical University

"MARITIME CHARTER" OF 1720: ON OFFICIAL DUTIES IN LEGISLATIVE LANGUAGE AND WISE WORDS

Abstract. The research studies the language of the "Maritime Charter" of 1720 highlighting some genre and stylistic features of the legislative document. Also, the article connects the variety of language means and techniques with the text argumentativeness and impact.

Keywords: the Russian language history, business language of Peter I period, legislative act, Maritime Charter, genre and stylistic features.

С 80-х годов XX века начинается активное изучение региональных документов XVIII в., хранящихся в многочисленных местных архивах и отражающих многообразие местного узуса эпохи и особенности развития региональной разновидности делового языка. Столь масштабная работа закономерно отодвинула на второй план исследование языка

© Русанова С. В., 2021